

Э. Г. КАРХУ, А. Г. ХУРМЕВААРА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

В нашей литературоведческой науке, особенно в последнее время, подвергается обсуждению ряд важных вопросов теории и истории литературы. При этом все более явственно высказывается мысль, что для их решения необходимо привлекать не только материал крупнейших национальных литератур мира, но мировую литературу в целом, во всем ее многообразии, с учетом литературной практики всех народов, больших и малых. Подобная постановка вопроса предполагает также изучение тех национальных литератур, которые до недавнего времени оставались вне поля зрения советских исследователей. Это относится и к литературе Финляндии.

В области финляндской литературы, видимо, рано делать широкие теоретические выводы применительно к историко-литературному процессу в целом, ибо этому должно предшествовать исследование отдельных его звеньев, множества частных проблем, решить которые можно только при овладении довольно обширным литературным материалом. Но, с другой стороны, любое, даже самое крупное литературное явление остается малопонятным, если брать его в отрыве от общего литературного развития и общественной борьбы, если нет хотя бы более или менее приблизительного, «рабочего» представления о том, как это явление возникло, что ему предшествовало и каковы были его последствия. В противном случае трудно избежать смещения акцентов, всякого рода переделок и упрощений, а то и неверного «прочтения», казалось бы, самоочевидных литературных фактов. Нарушение принципа историзма в литературоведении приводит к тому, что от художника прошлого требуют исторически невозможного; желаемое с точки зрения современности выдается за исторически действительное, и в то же время остается неясным, в чем состоял реальный вклад художника в литературное развитие.

В предлагаемых заметках очень кратко изложены некоторые мысли об основных, на наш взгляд, моментах истории финляндской литературы XIX века. Это попытка наметить хотя бы приблизительную историческую перспективу ее развития, с которой мы так или иначе считаемся в своей работе над отдельными литературными проблемами и которая в дальнейшем, надо полагать, потребует дополнений и корректив со стороны всех, кто интересуется историей литературы Финляндии.

Первые памятники финской церковной литературы восходят к XVI веку. Несколько позже появились образцы светской словесности. Но национальная литература Финляндии сложилась лишь в XIX веке в процессе формирования финской нации.

История этой сравнительно молодой литературы плохо укладывается в те хронологические рамки, к которым обычно приурочиваются определенные этапы и направления мировой литературы, в том числе и реализм. Дело, разумеется, не только в чисто хронологических различиях, но и в том, что литературный процесс протекал в Финляндии в относительно «сжатой» форме, вследствие чего такие понятия, как классицизм, сентиментализм, романтизм (в известном смысле условные и для многих других литератур), оказываются в ряде случаев весьма неопределенными при попытке приложения к творчеству финляндских художников.

Вплоть до 1917 г. Финляндия была несамостоятельной страной (сначала шведской провинцией, затем, с 1809 г., частью самодержавной России). Становление финляндской литературы тесно связано с национально-освободительным движением в стране. Социально-экономическая основа этого движения, его классовое содержание, его цели и задачи не оставались неизменными.

В XVIII веке так называемые «финнофилы», находившиеся под влиянием просветительской идеологии, стали проявлять интерес к национальной истории, финскому языку и народной поэзии. Однако финляндские просветители той поры (например, Г. Портан) были далеки от стремления пробуждать социальное сознание широких слоев народа. Их деятельность носила академический характер; свои сочинения они писали для узкого круга интеллигенции.

В дальнейшем, в первой половине XIX века, национальное движение в Финляндии отличалось уже более четкой антифеодальной направленностью. Оригинальная литература на финском языке развивалась преимущественно в русле просветительских традиций (творчество Ютейни, Готтлунда, Ханникайнена), а в литературе на шведском языке на рубеже 10—20-х гг. возникло романтическое направление (так называемый «Або-романтизм»).

В «Або-романтизме» очень скоро выявились два противоположных идейно-литературных течения. Не удовлетворенный крайне умеренным направлением журнала «Мнемозина», Арвидссон, самый выдающийся представитель «Або-романтизма», основал в 1821 г. собственную газету для пропаганды оппозиционных идей. Выдвинув лозунг «национального пробуждения», Арвидссон потребовал отмены предварительной цензуры и заявил, что печать должна быть «голосом народа для народа». Доказывая необходимость социальных реформ буржуазного характера, Арвидссон отстаивал взгляд, согласно которому история — это непрерывное движение, процесс отмирания старых и зарождения новых общественных форм. Эти идеи отразились и в его поэзии.

Другие «Або-романтики» (Линсен, Шёстрём) относились крайне враждебно к просветительской идеологии и, ратуя за национальную самобытность финляндской литературы, идеализировали отсталые стороны мировоззрения патриархального крестьянства. В обстановке усиления реакции эта консервативная тенденция в финляндском романтизме особенно отчетливо выразилась в поэзии Рунеберга. В его эстетике содержались и некоторые положительные для своего времени моменты. В частности, Рунеберг отстаивал право поэта изображать «низшие классы» общества, людей из народа. Определенный позитивный смысл заклю-

чался также в высказываниях Рунеберга о том, что искусство по своей природе должно отражать действительность в чувственных, предметных образах. Рунеберг говорил, что философия, изложенная стихами, еще не есть поэзия, хотя во всякой поэзии содержится своя философия.

Однако эстетика Рунеберга обязывала поэта изображать действительность таким образом, чтобы внутренние противоречия явления всегда выступали в абсолютном единстве. Задачу поэзии Рунеберг усматривал в примирении противоречий действительности. Этот реакционный тезис стал ведущим в эстетике Рунеберга.

На развитии финляндской литературы долгое время сказывалась общая отсталость Финляндии. Даже наиболее значительные писатели дореформенного периода испытывали непреодолимый страх перед революционным движением в Европе. Им казалось, что история их родины может стать неким «улучшением» мировой истории, причем все надежды возлагались на мирные реформы. Подобное мировоззрение было весьма характерно для некоторых финляндских романтиков дореформенной поры. В их понимании истории, в их вере в исторический прогресс была изрядная доля мещанского прекраснотушия. Когда они пытались создать образы протестующих бунтарей, одержимых гуманистической идеей служения людям и бросающих вызов силам зла, то это «бунтарство» чаще всего перерождалось в социальное бессилие или авторы видели в нем лишь достойный осуждения политический фанатизм. Однако при всем эклектизме мировоззрения таких романтиков, как Сигнеус и Топелиус, при всех их попытках противопоставить реальным противоречиям «расколовшегося века» филистерскую фразу о «гармоническом» прогрессе, в своих произведениях они все же отражали эти противоречия и тем самым содействовали сближению литературы с действительностью. В этом смысле творчество Сигнеуса и Топелиуса противостоит поэзии Рунеберга, воспевавшего жизнь патриархального крестьянства как идеальное в своей неподвижности бытие.

В финляндской литературе 40 — 50-х гг. XIX века складываются жанры исторической новеллы и баллады, исторического романа и драмы. Правда, историзм у писателей той поры носил весьма относительный характер, однако повышенный интерес к истории уже сам по себе был знаменательным явлением. Передовые писатели все чаще стали задумываться над ролью народных масс в истории и обращались к теме народных бунтов. Так называемая «дубинная война» (крестьянское восстание в Финляндии конца XVI века) стала осмысливаться как центральное событие национального прошлого. Этой темы в той или иной степени касались в своих произведениях Ютейни, Берндтсон, Сигнеус. Значительную роль в развитии финляндской литературы сыграл многотомный роман Топелиуса «Рассказы фельдшера». На довольно широком историческом фоне Топелиус попытался проследить взаимоотношения представителей основных сословий феодального общества — дворянства, бюргерства и крестьянства. Автор показал, как в ходе общественной борьбы дворянство вынуждено было постепенно уступать свои позиции под давлением низших сословий. В романе Топелиуса есть сцены крестьянских бунтов и бюргерского протеста против феодальной аристократии. И хотя автор оговаривал, что эти общественные противоречия были характерны не для современной ему действительности, а лишь для исторического прошлого, тем не менее его роман имел прогрессивное значение. Не случайно «Рассказами фельдшера» интересовался певец «дубинной войны» Крамсу.

Выдающуюся роль в развитии финляндской литературы сыграла деятельность Снельмана в 40—50-е гг. XIX века. В известном смысле ее можно рассматривать как первую попытку теоретически подготовить почву для появления финляндского реализма. Основываясь на анализе мировой литературы и стремясь осмыслить ее развитие в связи с ходом общественно-политической жизни, Снельман отстаивал мнение, согласно которому задачей литературы является художественное отражение «работы истории», ведущих тенденций исторического процесса в каждую данную эпоху. С этих позиций Снельман, оставаясь идеалистом в философии, ратовал за критическое, антифеодальное направление в финляндской литературе и журналистике.

Творчество Векселя, Киви и Крамсу, писателей конца 50—70-х гг. знаменовало собой вершину прогрессивного финляндского романтизма, а вместе с тем возмещало о наступлении реалистического периода. В начале 60-х гг. почти одновременно появились две романтические трагедии: «Куллерво» Киви, в которой использовался сюжет руны о судьбе раба-бунтаря, и пьеса о народном возмездии «Даниэль Юрт» Векселя. Последнее произведение особенно поразило современников своей философской глубиной и художественным блеском. Оно свидетельствовало о том, что финляндская литература сделала большой шаг вперед. В трагедиях Киви и Векселя есть еще некоторая условность ситуаций, несколько абстрактна мятежность трагического героя с его романтической иронией и «мировой скорбью», но в то же время, особенно в пьесе Векселя, тема народа и великие вопросы философии истории ставятся уже без той филистерской боязни бунтарских характеров и сильных социальных страстей, которая была свойственна его предшественникам. Жизнь мыслится Векселем только в движении, характеры — в их развитии. В его пьесе есть сцены, написанные в сугубо реалистической манере.

Вскоре после написания «Куллерво» Киви выступил с бытовыми комедиями и романом «Семеро братьев», что дало ему право считаться основоположником финляндского реализма. Произведения Киви в корне изменили существовавшее тогда мнение о художественной неполноценности финского языка; он превосходно передавал крестьянскую психологию, ее национальные особенности. И хотя реализм Киви в сущности еще не был тем реализмом, который принято называть критическим, однако после Киви стало уже невозможно изображать народ в духе рунеберговских идиллий.

В некоторых рассказах Снельмана, написанных в 40-е гг., уже заключалась та истина, что патриархальный уклад не вечен, что феодальная деревня далека от идиллической гармонии, что в Финляндию проникали буржуазные отношения. Однако Снельман был при этом более теоретиком-социологом, чем художником, хотя и в художественном смысле он едва ли уступал Рунебергу-рассказчику. В отличие от него Киви сумел придать некоторым снельмановским идеям художественную плоть и поэтически зримо отразить тот переворот, который совершался в финляндской деревне. Киви еще слегка грустил по уходящему патриархальному быту, но этот уход был для него очевиден. Сознание многими писателями этого факта было в высшей степени знаменательным и важным для судеб финляндской литературы пореформенной поры. Даже самые консервативные художники теперь уже не могли безоговорочно поэтизировать феодальные порядки, ибо буржуазные отношения в Финляндии стали достаточно определенными. Критика этих отношений, отражение глубокого разочарования народа в результатах буржуазных реформ, зарож-

дение новых характеров с новыми общественными устремлениями и неведомым до того времени строем чувств, конфликт «отцов и детей», страстное художническое искание правды — все это стало достоянием крепнувшей реалистической литературы Финляндии.

Период расцвета реализма в литературе Финляндии падает на 80-е — начало 90-х гг. XIX века. Столь позднее развитие реализма связано с своеобразием исторического процесса в стране, который развивался медленно, без революционных толчков и потрясений. 80-е гг. характеризуются некоторыми явлениями, стимулировавшими расцвет литературы и ее поворот к реализму. Только в 1883 г. фактически было установлено равноправие финского языка со шведским, что, несомненно, положительно сказалось на привлечении в литературу сил из народа. Национальная борьба превращается в политическую борьбу партий за господство в стране, а в 90-е гг., с началом руссификаторской политики царского правительства в Финляндии, меняет свою направленность. Наряду с национальными проблемами все явственнее начинают выступать социальные проблемы, ибо противоречия капитализма в 80-е гг. обостряются и все более обнажаются. Появляются новые, неизвестные романтикам явления жизни: эксплуатируемый землевладельцем сельский пролетарий, промышленный город, беднота, женщина-работница, морально разложившийся буржуа — с ними и пришли новые проблемы, на которые писатели должны были откликаться. Вместе с тем пришло и ниспровержение прежних идеалов и предрассудков. Стремление понять время породило в писателях более глубокое видение действительности и отсюда — критику общественного устройства и его порождений. А это привело к расширению охвата жизни литературой, к внесению в нее тем, считавшихся романтиками низкими или несущественными.

В 1885 г. начинающие реалисты объединяются в группу «Молодая Финляндия», центром которой в 1890 г. стала газета «Пяйвяলেখти». Для пропаганды реализма много сделал журнал «Валвоя», объединявший в 80-е гг. наиболее радикальные силы писателей, политических деятелей и ученых.

Развитие финляндской литературы в предшествующее десятилетие, проза Алексиса Киви и поэзия Каарло Крамсу, в которых романтические традиции соединялись с элементами реализма, закономерно привели к победе реалистического метода.

С другой стороны, благотворную роль в развитии финского реализма сыграла реалистическая русская литература и литература соседней Норвегии, переживавшая в конце XIX века период бурного расцвета.

Постановка в финских театрах драм Ибсена, переводы произведений Бьёрнсона, романов Килланда, Ли и Граборга встречали живейший отклик в кругах «Молодой Финляндии».

Прозу Пушкина на финский язык начали переводить в 1876 г., тогда был сделан и первый перевод из Тургенева, через два года — из Гоголя. В 80-е гг. появились первые переводы произведений Л. Толстого и Достоевского. Газеты и журналы, в особенности журнал «Валвоя», в 80-е гг. часто публиковали обзоры русской литературы, статьи о творчестве отдельных писателей, рецензии на переводы, что помогало и читателям и писателям лучше понять характерные особенности русского реализма. В реалистической финляндской литературе можно найти следы влияния общественно проблемных романов Тургенева, юмора Гоголя, творчества Л. Толстого.

Финляндские историки литературы относительно точно определяют время зарождения реализма, однако можно ли говорить, как это они делают, об «отмирании реализма»? Очевидно, это допустимо только в том случае, если понимать реализм как одно из многих литературных направлений, как явление статичное и потому недолговечное. Но все развитие финляндской литературы противоречит такому пониманию и не укладывается в рамки, предопределенные ей литературоведами.

Финляндские литературоведы указывают на 1895, в лучшем случае, на 1897 г. как на рубеж реализма, на смену которому приходит так называемое «неоромантическое» направление. Разумеется, литературу эпохи империализма в Финляндии, как и в других странах, захлестнула волна декадентских и символистских течений, но тем не менее реализм, опираясь на пробуждающуюся силу рабочего класса, продолжает существовать как направление в творчестве наиболее передовых писателей. Так, в конце 90-х—начале 900-х гг. реалистический метод преобладает в творчестве Ю. Х. Эркко и Арвида Ярнефельта. В первое десятилетие XX века стал известен как реалист Майю Лассила; рядом с ним шли Вяйне Катая и революционные поэты, в 20-е — 50-е гг. XX в. — Пентти Хаанпяя и другие современные финляндские писатели.

Чем же характеризуется своеобразие финляндского реализма? Одной из его особенностей является преобладание в литературе темы деревни.

Деревенская тема в финляндской литературе не свидетельствует о стремлении писателей бежать от резких социальных контрастов. Напротив, противоречия капиталистического строя в аграрной Финляндии ярче всего проявлялись в земледелии. Крестьянская проблема, конфликт между землевладельцем и его работником, изображенный еще А. Киви и К. Крамсу, неизменно оказывались в центре литературы. Норвежская литература, в частности, крестьянские рассказы Б. Бьёрнсона, живо воспринималась в Финляндии именно благодаря ее созвучности в постановке крестьянской темы. Эта особенность объясняется и тем, что многие финляндские писатели-реалисты происходили из крестьянской среды и всю жизнь так или иначе были связаны с нею.

С другой стороны, не все писатели-реалисты одинаково изображали деревню. Даже в творчестве одного писателя отношение к ней менялось с эволюцией его мировоззрения. Деревня, нарисованная молодым Юхани Ахо (1883 г.), — удивленная, недоверчивая, испуганная первыми признаками капитализма. Писателю грустно от того, что меняется поэтическая и патриархальная деревня. В середине и в конце 80-х гг. Ахо видит в деревне честолюбие, жестокость и тупость богача, безрадостный труд крестьянина-батрака, сухую краюху хлеба в худых руках бедняка. В 90-е гг. он же находит в деревне трагические сюжеты. Деревня в поэзии Казимира Лейно — это свадьба богатого хозяина и самоубийство обманутой им девушки из бедняцкой семьи, это колыбельная песня маленькой няньки, чье детство в родном доме кончилось под стук аукционного молотка, это замерзший в сугробе нищий мальчик. В поэзии Ю. Х. Эркко 80-х гг. тема деревни звучит стонами голодающих крестьян, плачем умирающего ребенка матери-жницы. Деревня в драматургии Минны Кант — рассадник преступности. Наконец, в 90-е — 900-е гг. Арвид Ярнефельт изображает финскую деревню резко разделенной на две враждующие социальные силы: все сильного землевладельца-хозяина и работника-торппари, не охраняемого никакими законами.

Решение крестьянской темы, в большинстве случаев, все же было пессимистическим, ибо писатели не видели сил, способных противостоять

капитализму. Именно поэтому в 80-е гг. XIX в. финляндские реалисты обратились к теме капиталистического города, в которой они нашли возможности более оптимистических решений. Начиная с 80-х гг. «городская тема» прочно входит в финляндскую литературу наряду с темой деревни.

В конце века в стране развились уже некоторые отрасли промышленности, прежде всего, лесная и бумажная, а неурожайные годы, разорившие тысячи мелких арендаторов, резко увеличили численность городского пролетариата. В 80-е гг. организуются первые рабочие союзы.

Тема города занимает ведущее место в творчестве Минны Кант, самого боевого реалиста в финляндской литературе 80-х гг. Первая ее драма о жизни рабочих (1883 г.) произвела впечатление «бомбы, взорвавшейся в затхлой, застоявшейся атмосфере жизни», — как писал финляндский историк литературы В. Таркиайнен. Минна Кант разоблачает страшные противоречия капиталистического города: беспросветную бедность рабочей семьи, бесчеловечность и безнравственность буржуазии, ужас безработицы, страдания и голод, доводящие до сумасшествия и смерти. В одной из драм Кант показывает пробуждение классового сознания рабочих, их неумелый и неудачный, но уже активный протест против существующих порядков. Впервые после боевых призывов К. Крамсу снова прозвучало требование завоевать права своими руками. Реалистические картины города создает поэт и драматург Ю. Х. Эркко, взволнованно рассказывающий о судьбе организатора забастовки и его семьи, об изуродованной бедностью психологии молодой швеи, об искаленной жизни выброшенного с завода отца семейства и т. д.

Обращение к изображению капиталистического города не могло дать писателям и поэтам более отрадных сюжетов, чем крестьянская тема, и все же понимание рабочего класса как силы будущего приводило их подчас к созданию таких оптимистических произведений, как например, стихотворение Казимира Лейно «Буревестник» (1890 г.) или «Марш трудового народа» Ю. Х. Эркко, положенный на музыку Яном Сибелиусом и ставший песней революционного финского пролетариата.

Из этой особенности финляндского реализма — отражения в литературе, главным образом, жизни людей труда — следует вторая его черта — преобладание демократического героя. К герою из народа обращалась уже литература эпохи романтизма, перед которой стояла задача показать силу, цельность, красоту, жизнеспособность и самобытность финского народа. Созданные романтиками образы финских крестьян, воинов, борцов за национальную независимость ярки и национально-колоритны. Эту традицию продолжили писатели 80-х и 90-х гг. Они приблизили национальный характер к социальной действительности и отказались от его идеализации.

Характеры героев первых произведений Юхани Ахо формировались в глуши Финляндии, в повседневной борьбе с суровой природой на клочке земли, отвоеванной у леса. Первое столкновение с капиталистической действительностью, хотя и доставляет им легкие ушибы, но вызывает только удивление и восхищение (например, поездка по железной дороге). Мир их очень ограничен, и Ю. Ахо с добродушным юмором рассказывает, как неторопливо и обстоятельно они вживаются в новые явления. Постепенно в характерах и судьбах героев Ю. Ахо все большую роль начинают играть моменты социального порядка. В рассказах 90-х гг. та же железная дорога изображается уже как зловещий символ капитализма, проникающего в самые глухие уголки страны

Характеры героев формируются в непрестанной и неравной борьбе с теми или иными социальными силами, и герои зачастую гибнут.

Героев Минны Кант, взятых из гущи рабочей среды, невозможно представить вне породившего их социального окружения. Они — неотделимая часть капиталистической системы и все колебания в ней чувствуют остро и глубоко. Так, в повести «Бедные люди» Минна Кант создала реалистический образ женщины-пролетарки, доведенной безработицей до сумасшествия. Многогранные характеры рабочих, с их сильными и слабыми сторонами, показывает Кант в своих драмах.

Арвид Ярнефельт в романах и повестях начала XX века разоблачает как уродливые явления, порожденные капитализмом, так и самую его основу — частную собственность. Он создает национально и социально мотивированные образы крестьян. В произведениях Ярнефельта намечается образ пробуждающегося рабочего класса, который приходит к осознанию своего единства и своих прав.

Третьей характерной чертой финляндской литературы XIX в. является то, что в ней особое место занимает «Калевала», влияние которой испытали на своем творчестве почти все писатели. Одним из наиболее значительных и интересных результатов этого влияния явилась драматургия Ю. Х. Эркко. В драмах «Айно» и «Куллерво», используя поэтику, сюжеты и образы «Калевалы», он создает многосторонние характеры людей, живущих в определенную историческую эпоху. Развивая звучащую в некоторых рунах эпоса социальную тему (в особенности это относится к образам Айно и Куллерво), Эркко в 90-е гг. внес в традицию использования «Калевалы» новаторский реалистический поворот. В эти же годы литературное осмысление народного творчества продолжил молодой Эйно Лейно, ставший впоследствии одним из крупнейших поэтов-лириков Финляндии.

Изложенная выше проблематика финляндской литературы XIX века не является, разумеется, исчерпывающей. Так, например, писателей-реалистов привлекали и многие другие темы, в частности, борьба за равноправие женщины, вопросы создания национальной культуры, тема родины, т. е. все то, что интересовало передовых деятелей литературы и искусства в каждой другой стране.

Поднимая актуальные проблемы своего времени, финляндские реалисты не были пассивными наблюдателями жизни. Горячее сочувствие к простому народу и стремление помочь ему наполняли их произведения публицистической страстностью. Верность жизненной правде придавала сюжетам драматическую напряженность.

Таковы, в общих чертах, основные особенности финляндской литературы XIX века, нашедшие свое продолжение в творчестве современных писателей Финляндии.

*Институт языка, литературы и
истории Карельского филиала
АН СССР*

*Поступила в редакцию
14/XII 1957*